

Красавицы одна за другой вышли из зала, а главный евнух догадливо увёл за собой служанок.

Вскоре внутри и снаружи остались только они двое. Стояла такая тишина, что слышался свист пронесившегося ветра.

Янь Тин с детства был слаб и болезнен. Постояв на сквозняке, он начал чувствовать дурноту.

К счастью, Пэй Сюньчжи был высоким и длинноногим: несколькими быстрыми шагами вошёл в зал и сел на главное место. Янь Тин наконец смог немного подвинуться и встать там, куда ветер не доставал.

Едва устроился, снова тихо кашлянул.

Лицо стало ещё бледнее, зато уголки глаз окрасились влажным румянцем. Хрупкое тело покачнулось — он едва удержался на ногах, словно в следующую секунду мог растаять и вознестись.

Пэй Сюньчжи слегка поднял взгляд и, глядя на его болезненный вид, усмехнулся:

— Когда мне было восемь, я простудился и никак не мог поправиться. Знаешь, что тогда сказал Янь Юаньчэн?

Не дождавшись ответа, он продолжил:

— Сказал, что мои разноцветные глаза — дурное знамение, а простуда означает, что само Небо не желает терпеть моё существование и пришло забрать мою жизнь.

— ...

Янь Тин понял, почему тиран в первоначальном сюжете сослал его бестолкового отца в земли варваров.

Но это было ещё не всё. Пэй Сюньчжи перебирал пальцами бусины на запястье и продолжал:

— В тринадцать лет я участвовал в осенней охоте. Старший брат хотел застрелить меня в лесу. Знаешь, что тогда посоветовал ему твой отец?

С этими словами он внезапно поднялся и медленно, шаг за шагом, направился к Янь Тину, будто каждый шаг наступал тому прямо на натянутую струну сердца. У Янь Тина по коже побежали мурашки.

Наконец Пэй Сюньчжи остановился перед ним. На губах играла улыбка, но во взгляде словно расплзался мороз.

— Янь Юаньчэн сказал старшему брату: если просто застрелить меня, на нём останется дурная слава братоубийцы. Лучше сбросить меня живым со скалы — мёртвые не рассказывают правду.

— ...

Янь Тин не знал, о чём думал тринадцатилетний Пэй Сюньчжи, падая со скалы, и как вообще сумел выжить.

Зато прекрасно понимал: сейчас Пэй Сюньчжи, вероятно, хочет сперва заколоть его, потом отрубить его отцу голову и попинать её вместо мяча, а под конец сыграть в «три в ряд» с девятью коленами рода Янь, чтобы окончательно выпустить пар.

А может, и этого мало.

С его переменчивым характером муравейник во дворе Янь ещё следовало бы затопить, дождевых червей разрезать вдоль, желтки во всех яйцах разболтать, а каждой случайно пробегающей мимо собаке отвесить по два пинка.

Как бы там ни было, нельзя позволить ему и дальше вспоминать старые обиды.

Янь Тин выбрал самый прямой и самый действенный способ —

притвориться, что потерял сознание.

Он заранее выбрал угол, чтобы точно упасть Пэй Сюньчжи в объятия.

Опасаясь, что тот увернётся, Янь Тин резко подался вперёд. Лоб ударился о твёрдое плечо, и в ушах мгновенно загудело.

То ли удар вышел слишком сильным, то ли это тело и вправду было настолько слабым, что не переносило даже малейшей травмы.

В общем —

Янь Тин собирался лишь изобразить обморок, а в итоге действительно отключился.

Пэй Сюньчжи, в которого ни с того ни с сего врезался человек:

— ...

Разноцветные глаза слегка сузились. С недобрым выражением он выдавил:

— Не притворяйся мёртвым.

Человек в его руках всё равно не шевелился. Пэй Сюньчжи слегка толкнул его и увидел, как Янь Тин тут же откинулся назад: похоже, и вправду не притворялся.

Он цокнул языком.

И прежде чем тот рухнул на пол, снова протянул руку, подхватил Янь Тина и надёжно удержал в объятиях.

Ещё когда он услышал имя Янь Юаньчэна, то начал размышлять, что лучше: содрать с Янь Тина кожу и сделать фонарь или превратить его череп в цветочный горшок.

Но теперь, обнимая его за тонкую талию, Пэй Сюньчжи почувствовал, как раздражение слегка уменьшилось.

Он опустил голову, посмотрел на лишённое всякой крови, но всё равно возмутительно красивое лицо — и раздражение уменьшилось ещё немного.

Вот уж болезненная развалина.

И такой трусишка.

Пэй Сюньчжи поднял Янь Тина на руки, вышел из зала, прошёл по галерее и приказал главному евнуху, дежурившему у ворот двора:

— Позвать императорского лекаря.

...

Сквозь мутное забытье Янь Тин почувствовал, как кто-то зажал ему подбородок и вливает в рот густо сваренный отвар женьшеня.

Отвар пах травой и сыростью, был густым и горьким до такой степени, что вкус словно ударял прямо в макушку. Янь Тин никогда не пил ничего настолько вязкого и отвратительного и упрямо стиснул зубы.

После этого чашу, видимо, поставили на стол — раздался глухой стук.

— Не будешь пить?

У самого уха прозвучал холодный голос.

— Вывихну тебе челюсть.

Пальцы на подбородке и вправду сжались сильнее, нижняя челюсть заболела. Полусонный Янь Тин поспешно разжал зубы, тихо простонал и бессознательно прихватил губами палец, оказавшийся рядом с его ртом.

На какое-то время стало совсем тихо. Затем фарфоровую чашу снова прижали к губам. Горькая жидкость потекла в рот, сознание затуманилось и в конце концов, словно одинокая лодка на волнах, ушло под воду.

Когда Янь Тин проснулся, снаружи уже окончательно стемнело.

Он откинул полуприкрытый полог и огляделся. Это была небольшая двухэтажная беседка-павильон. Обстановка внутри скудная, пространство казалось почти пустым.

Во рту всё ещё оставался вкус женьшеневого отвара. Женьшень был гораздо лучше того, который ему доводилось принимать раньше: по всему телу разлилось тепло, даже сил немного прибавилось.

Янь Тин только спустил одну ногу с кровати, как резная дверь из красного дерева распахнулась и вошла девочка лет тринадцати-четырнадцати.

Она подошла к кровати и легко поклонилась:

— Молодой господин Янь, я старшая дворцовая служанка Лоло. Его Величество велел, как только вы проснётесь, приказать императорской кухне подать еду.

Она хлопнула в ладоши, и евнухи один за другим занесли блюда. Очень скоро весь стол оказался заставлен едой.

Курица, тушённая с женьшенем; утка с женьшенем; жареное мясо с женьшенем; морское ушко, сваренное с женьшенем.

После такого ужина из носа кровь пойдёт от переизбытка сил.

Лоло с улыбкой положила перед Янь Тинем миску и палочки и поторопила:

— Молодой господин Янь, скорее ешьте. Когда закончите, я отведу вас в одно хорошее место.

С таким выражением лица она вряд ли замышляла что-нибудь хорошее.

Размышляя об этом, Янь Тин взял палочки, неторопливо прихватил кусочек курицы и начал есть маленькими кусочками.

Лоло больше не торопила. Когда Янь Тин насытился и отложил палочки, заботливо подала ему чашку горячего женьшеневого чая.

Она относилась к нему чрезвычайно почтительно. Янь Тин решил, что вопрос с его пребыванием во дворце, скорее всего, уже решён.

Если слегка округлить, он уже мог представить, как Пэй Сюньчжи обеими руками подносит ему осколок души и умоляет принять подарок.

Допив чай, Янь Тин поднялся и вслед за Лоло прошёл через сад, затем долго шёл по дорожке из мелкого камня. Чем дальше, тем безлюднее становилось вокруг: росли сорняки, красная штукатурка на стенах осыпалась.

Шли действительно слишком долго.

Несмотря на весь съеденный женьшень, силы снова начали покидать его.

Он уже собирался кашлянуть, когда Лоло внезапно остановилась и указала вперёд:

— Вот мы и пришли, молодой господин Янь.

Янь Тин посмотрел туда, куда она показывала.

В углу высилась искусственная гора, сложенная из беспорядочных камней. В ней был оставлен узкий проход, по которому приходилось идти, согнувшись.

Перед камнями стояла плита, на которой размашистыми иероглифами было высечено: «Подземная тюрьма».

Снаружи дежурила тяжёлая охрана — даже муха не вылетела бы. Изнутри время от времени доносились душераздирающие крики, от которых становилось не по себе.

Янь Тин поджал губы.

Это и есть то «хорошее место», о котором говорила Лоло?

Выходит, тот пир с женьшенем был последней трапезой перед казнью?

<http://bllate.org/book/19030/1869127>